

УДК 347.4

Ларин Арсений Андреевич

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева

Институт юстиции

Россия, Екатеринбург

arsenylarin1@gmail.com

Larin Arsenii

Ural State Law University

Institute of Justice

Russia, Ekaterinburg

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СМАРТ-КОНТРАКТОВ И ИХ СВОЙСТВАХ

Аннотация: в данной статье мною рассматривается возможность интеграции института смарт-контрактов в современные нормы гражданского права. Сегодня стремительное развитие цифровых технологий обязывает право своевременно воспринимать, внедрять и регулировать вновь появляющиеся явления, придавая их использованию строго регламентированный и легальный характер, внося ясность в их использование в рамках уже устоявшегося экономического оборота. Грамотное регулирование института смарт-контрактов, как одного из таких явлений, на мой взгляд, способно упростить и улучшить экономические отношения между всеми участниками.

Ключевые слова: смарт-контракт, обязательства, договоры, сделки, блокчейн, криптовалюта.

ON THE LEGAL NATURE OF SMART CONTRACTS AND THEIR PROPERTIES

Annotation: in this article, I consider the possibility of integrating the institution of smart contracts into modern civil law norms. Today, the rapid development of digital technologies obliges the law to perceive, implement and regulate newly emerging

phenomena in a timely manner, giving their use a strictly regulated and legal character,

bringing clarity to their use within the already established economic turnover. Competent regulation of the institution of smart contracts, as one of such phenomena, in my opinion, can simplify and improve economic relations between all participants.

Key words: smart contract, obligations, contracts, transactions, blockchain, cryptocurrency.

Широкое применение технологии блокчейн и повсеместное развитие цифровых технологий сегодня становятся предпосылкой масштабных дискуссий в научных кругах. Одной из обсуждаемых тем является использование и надлежащее регулирование феномена смарт-контрактов. В настоящий момент правовое регулирование в данной области оставляет желать лучшего: в нынешнем российском законодательстве не существует дефиниции умного контракта, отсутствуют положения, позволяющие судить о применимости норм законодательства к данному явлению, практически полностью отсутствует судебная практика по вопросам, связанным с использованием смарт-контрактов.

При этом нельзя сказать, что вопрос правового регулирования технологии блокчейн и смарт-контрактов не разрешается государственными органами. Так, согласно перечню поручений Президента Российской Федерации от 10 октября 2017 года № Пр-2132 в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Правительству Российской Федерации совместно с Банком России поручено обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих в том числе и определение статуса и понятий технологии распределенных реестров, смарт-контракта, криптовалюты и т.д. [1]. Кроме того, Федеральным законом от 18.03.2019 N 34-ФЗ были внесены изменения в ГК РФ, в частности, в ст. 309 было указано на возможность исполнения сторонами обязательств без отдельно выраженного

волеизъявления сторон путем применения информационных технологий [2]. В настоящее же время в Государственную Думу внесен законопроект № 237585-8, устанавливающий понятие майнинга и регулирующий ряд связанных с ним вопросов. Однако принимаемые акты не могут решить существующие проблемы, а лишь обходят их стороной, вводя близкие по смысловому значению понятия и описательные конструкции и оставляя вопрос неурегулированным.

Следует обратить внимание и на то, что технология распределенных реестров функционирует преимущественно в цифровой среде и обладает свойством децентрализации, в результате доступ к смарт-контрактам является чрезвычайно широким и по сути своей ограничен лишь определенными требованиями к уровню знаний интересующихся лиц.

Таким образом, отсутствие четкого законодательного регулирования и доступность рассматриваемого явления в настоящий момент создают потенциальную угрозу нарушения прав и свобод граждан и юридических лиц, что выражается, в первую очередь, в непрозрачности вопроса использования смарт-контрактов для самих участников экономического оборота, а также фактическом отсутствии судебной защиты в данной сфере.

В связи с наличием подобных проблем считаю необходимым более подробно изучить потенциал и природу смарт-контрактов, придать им надлежащее место в системе действующего законодательства.

Целесообразным представляется начать изучение данного явления с определения его основных свойств. Возьмем дефиницию, предложенную российским законодателем в 2018 г. в проекте ФЗ N 419059-7 «О цифровых финансовых активах»:

«Смарт-контракт - договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций

в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств» [3].

В данном определении следует обратить внимание на ряд существенных признаков смарт-контракта, которые были выделены законодателем.

1. Такие контракты предлагалось признавать договорами, составленными в электронной форме. И действительно, сами смарт-контракты создаются на базе блокчейна посредством языка программирования и по сути своей, как правило, являются уже известными гражданскому праву договорами: купля-продажа, мена, аренда и т.п. Все условия договора (предмет, срок, права и обязанности сторон, цена и пр.) фиксируются в программном коде, впоследствии попадая в формирующийся блок, где с ними смогут ознакомиться все участники системы.

При этом цивилисты справедливо отмечают, что смарт-контракты работают лишь с цифровыми активами, поскольку сама передача предмета сделки обеспечивается посредством его привязки к конкретному блоку информации в распределенной системе [4, с. 3]. Так, например, проблематично продать посредством смарт-контракта реально существующий автомобиль, поскольку он не представлен в цифровом виде, а существует в действительности. Но это не означает отсутствие возможности совершения сделок с реально существующими вещами. Можно представить себе ситуацию, при которой в форме смарт-контракта заключается договор найма жилого помещения. Тогда при выполнении определенного условия (например, наступило время заезда) со счета нанимателя будут сняты денежные средства, при этом со стороны наймодателя будет отправлен код от входной двери номера.

Таким образом, смарт-контракты могут стать формой заключения вполне обыкновенных сделок при условии, что исполнение обязательства будет тем или иным образом перенесено в цифровое пространство.

2. Особый акцент сделан также на автоматическом исполнении умных контрактов. Данное свойство выражается в том, что после наступление определенного условия непременно состоится предусмотренная контрактом транзакция. Рассматриваемое свойство обеспечивает безопасность и гарантированность исполнения, характерные для смарт-контрактов. В результате одновременного исполнения вероятность обмана или недобросовестного поведения, как изъянов, характерных для традиционных форм договора, сводится к минимуму. Недочёты, пробелы или намеренное искажение информации возможны не на стадии исполнения, но на этапе написания программного кода и ознакомления с ним.

Однако у данного свойства есть и обратная сторона, порождающая определенные проблемы. В частности, нельзя предусмотреть в качестве условия смарт-контракта оценочное понятие. Например, недобросовестное поведение или обстоятельства, очевидно свидетельствующие о том, что предоставленный заем не будет возвращен в срок [5, с. 15]. Подобные оценочные категории не смогут восприниматься и оцениваться машиной, к тому же само поведение лица также будет проблематично перевести в цифровую форму.

В итоге мы получаем доступ к более безопасной, но в то же время ограниченной с точки зрения широты предусматриваемых условий форме договора.

3. Отдельно следует сказать и об условном характере умных контрактов. Они действуют по строгой формуле «если...то». Это значит, что если информация о наступившем условии не была передана в блокчейн, не последует и исполнения предусмотренных контрактом условий. Так, можно привести в пример смарт-контракт по страхованию на случай, если вылет авиарейса будет отложен на два и более часа. Тогда страховое возмещение будет выплачено лишь в случае одновременного выполнения двух условий:

- а) рейс будет отложен на два и более часа

б) информация об этом поступит в блокчейн.

Что же касается правовой природы смарт-контракта, из представленного выше определения можно сделать вывод, что российский законодатель в упомянутом законопроекте склонялся к мнению о том, что умные контракты являются формой договора.

Того же мнения придерживается, например, А.И. Савельев, который пишет, что смарт-контракт представляет собой договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе блокчейн и обеспечивающему автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств [6, с. 46].

Такой подход имеет свои сильные и слабые стороны. Например, необходимо помнить, что при заключении договора воля и волеизъявление сторон должны совпадать. Исходя из этого, некоторые исследователи приходят к выводу о том, что форма волеизъявления может быть любой, т.е. воля может быть выражена как при помощи речи, так и написана на бумаге или на ином носителе информации, на любом языке (в том числе и в виде компьютерного кода), любыми символами, если волеизъявление может восприниматься другой стороной и может быть переведено в читаемую человеком форму [5, с. 17]. При этом было бы чрезмерным упрощением приравнять смарт-контракт к письменной форме (сделать ее разновидностью), поскольку проведение транзакций в данном виде имеет достаточно внушительную специфику: понимание условий, особенности системы блокчейн, децентрализованный характер, самоисполняемость и т.д. В связи с этим в отношении данной формы будет меняться действие таких институтов, как недействительность сделок, способы обеспечения исполнения обязательств и пр.

Также существует позиция, согласно которой умные контракты приобщают к способам обеспечения исполнения обязательств. С подобным подходом сложно согласиться. Следует обратиться хотя бы к стимулирующему свойству подобных мер. Оно состоит в том, что применение обеспечительных

мер создает условия, которые способствуют надлежащему исполнению обязательства и основаны, прежде всего, на интересе самого должника (например, в случае удержания вещи надлежащее исполнение должником обязательства влечет обязанность кредитора возвратить удерживаемую вещь) [7, с. 6]. Вместе с тем у должника остается выбор: исполнить обязательство и получить назад вещь или же продолжать неисполнение. Смарт-контракт подобного выбора не предоставляет, обязательство исполняется автоматически.

Наиболее рациональным считаю подход, при котором место смарт-контракта находится среди конструкций, предусмотренных частью первой ГК, к коим относятся договор присоединения, публичный договор, опционный договор и пр. [5, с. 13]. Подобные конструкции не являются самостоятельными договорами, но предусматривают определенные особенности для исполнения других договоров различными способами.

Кроме того, необходимо разделять сами условия договора, прописанные в цифровом виде (компьютерный текст) и правоотношение, порождаемое ими (исполнение смарт-контракта).

Таким образом, говоря о месте смарт-контракта в современном российском законодательстве, можно сделать вывод о том, что данное явление может рассматриваться в двух аспектах:

а) в качестве компьютерного текста, зафиксированного в блокчейне и содержащего определенные условия. В этом случае такой текст будет являться специфической формой договора. Также необходимо обратить внимание и на то, что на программный код возможно распространение прав интеллектуальной собственности (например, правового регулирования программы для ЭВМ) [8, с. 2].

б) в виде одной из конструкций, предусмотренных гл. 27 ГК. В таком случае уже существующие договоры будут использовать специфику смарт-контракта как формы их исполнения.

Вопросы правового регулирования технологии смарт-контрактов будут становиться более актуальными. Уже сейчас умные контракты активно используются в России и за рубежом. В настоящий момент наиболее популярным вариантом является написание программных кодов на языке Solidity и их размещение на блокчейне Ethereum. Так, компания Сбер недавно анонсировала совместимость собственной блокчейн-платформы с Ethereum [9]. Вместе с тем на текущий момент прослеживается четкая позиция государственных органов РФ, не допускающая использование криптовалюты в качестве платежного средства на территории России. Несмотря на это, дальнейшее совместное развитие технологий и регулирующего их использования законодательства, на мой взгляд, способно значительным образом преобразить экономические отношения.

Список литературы:

1. Перечень поручений Президента Российской Федерации от 10 октября 2017 года № Пр-2132 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ.
3. Проект Федерального закона N 419059-7 "О цифровых финансовых активах" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018).
4. Гонгало Б. М., Новоселова Н. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах, 2019.
5. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право, 2020.
6. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права, 2016.

7. Пучков В. О. Является ли смарт-контракт договором? (к проблеме цифровой трансформации цивилистической доктрины) // Российское право: образование, практика, наука, 2020.

8. Шайдуллина В.К. Смарт-контракты на финансовом рынке: результаты исследования // Судья, 2019, № 2.

9. Блокчейн-платформа Сбера будет совместима с экосистемой Ethereum [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6387752d9a7947a6b87d19bd>